

55 лет
журналу
«Вопросы литературы»
1957–2012

Премии за 2011 год
журнал «Вопросы литературы»
присуждает за материалы,
опубликованные в рамках проекта
«1812 год и изображение войны
в русской литературной традиции».

Премии присуждены:

ПОДОСОКОРСКОМУ Николаю Николаевичу

и

СОБОЛЕВУ Льву Иосифовичу

за циклы статей,
связанных с войной 1812 года;

СУЛТАНОВУ Казбеку Камиловичу

за статью

«Переправиться через Терек, или два берега
одной реки жизни. *Перечитывая Толстого*»
(№ 3);

БУШКОВСКОМУ Александру Сергеевичу

за статью о современной литературе

«Изучая патологии:
Нелепицы и странности в рассказах о войне»
(№ 2)

журнал
критики и литературоведения

ВОПРОСЫ литературы

Январь — Февраль 2012

Главный редактор
И. О. ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

К. М. Азадовский, А. Д. Алехин, Н. А. Анастасьев,
С. Г. Бочаров, Г. С. Кнабе, Г. Г. Красухин,
Ю. В. Манн, В. Л. Махлин, Б. М. Сарнов,
Е. Ю. Сидоров, А. М. Турков, К. Эмерсон

РЕДАКЦИЯ:

Н. Н. Юргенева (отдел русской классической литературы),
Т. В. Еремеева (редактор),
Е. М. Луценко (отдел библиографии),
Е. А. Погорелая (отдел современной литературы),
С. А. Чередниченко (заведующий редакцией),

И. Ю. Ковалева (директор)

Учредители: РОФ «Литературная критика»,
Редакция журнала критики и литературоведения
«Вопросы литературы»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-47288 от 17 ноября 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

История идей

- 9 **В. БАЧИНИН.** Александр Шмеман и его «исследовательская лаборатория» по теологии литературы

Литературное сегодня

- 28 **М. АБАШЕВА.** Литературная премия как инструмент. *Заметки инсайдера*

Лица современной литературы

- 41 **О. ОСЬМУХИНА.** Литература как прием. *Татьяна Толстая*
54 **Е. ПОГОРЕЛАЯ.** Marche funèbre на окраине Китая. *Владимир Сорокин*
72 **Л. ХЕСЕД.** История одного поколения. *Маргарита Хемлин*

Язык современной поэзии

Поэзия в ситуации после-пост-модерна

- 83 **А. АЛЁХИН.** «Поэзия — это любовь в широком смысле слова». Беседу вела **Е. Луценко**

Зарубежная литература

- 118 **Е. БЕРКОВИЧ.** Работа над ошибками. *Заметки на полях автобиографии Томаса Манна*

Памяти А. Карельского

- 181 **В. ЗУСМАН.** «Кот в сапогах» Л. Тика: от текста к произведению
191 **Т. ВЕНЕДИКТОВА.** «Железнодорожное чтение» как фактор литературной истории
201 **А. ЖЕРЕБИН.** «Уайльдовский парадокс» Гейне

Современные имена

- 209 В. ЗУСЕВА-ОЗКАН.** Неутешительная метарефлексия. *Ми-лан Кундера*

Теория: проблемы и размышления

Текст/произведение

- 236 Д. СОБОЛЕВ.** Проблема феноменологии произведения

Век минувший

- 276 С. КИБАЛЬНИК.** Псевдоединство младоэмигрантов: Гайто Газданов и Владимир Набоков

Сравнительная поэтика

Шекспировская мастерская

- 288 Э. АКИМОВ.** «Скупой рыцарь» — «The Covetous knight»

В творческой мастерской

- 301 М. ВИШНЕВЕЦКАЯ.** «Я — писатель-”катарсис”». Беседу вел Г. Аросев

Свободный жанр

- 328 Н. КОРОЛЕВА.** Мои друзья по «Апрелю»

Публикации. Воспоминания. Сообщения

- 346 В. КАНТОР.** Трудное сближение: Зайцев и Степун

Заметки. Реплики. Отклики

- 383 Т. МЕНЬЩИКОВА.** Суворин и Надсон. *Некоторые проблемы их взаимоотношений*
- 388 Н. ПОДОСОКОРСКИЙ.** Суворовская легенда в творчестве Ф. М. Достоевского
- 399 А. КРЫЛОВ.** Из запасных файлов
- 418 В. ЕСИПОВ.** «Крив был Гнедич поэт...»
- 422 Е. ЗАВЬЯЛОВА.** Дрозд или не дрозд — вот в чем вопрос. *О том, кто сидел в клетке Собакевича*

Обзоры и рецензии

- 432 Т. ГЕВОРКЯН.** Еще раз о книге Марины Цветаевой «После России»

Книжный разворот

- 476 Т. М. Колядич.** От Аксенова до Глуховского. Русский эксперимент. Экстремальный путеводитель по современной русской литературе; Т. М. Колядич, Ф. С. Капица. Русская проза XXI века в критике: рефлексия, оценки, методика описания (Е. ИВАНОВА); Национальная премия «Поэт»: визитные карточки (Е. ЮГАЙ); Владимир Кантор. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского. Очерки (В. МИЛЬДОН); А. Кузичева. Чехов: Жизнь «отдельного человека» (Е. АБРАМОВСКИХ); Последний луч Серебряного века: воспоминания об Анастасии Цветаевой (Е. ЗИНОВА); Алла Демидова. Ахматовские зеркала (Д. АЛЬФИН); А. П. Уракова. Поэтика тела в рассказах Эдгара Аллана По (О. ПОЛОВИНКИНА)

В шутку и всерьез

- 498 АРГО.** Сатирические очерки из истории русской литературы
-

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»

Учебник для школы или для вуза — самый нужный и едва ли не самый безнадежный жанр. Мечты об учебниках нового поколения, о которых так много говорят, все не сбываются. Журнал «Вопросы литературы», поддержанный грантом Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, начинает свой проект в сфере издания университетской книги. На основе публикаций последних лет и вслед нашим обычным рубрикам мы составляем книги, которые заполнят существующие лакуны по всем основным литературным курсам учебного процесса. В них самые известные ученые обсуждают современные подходы, произведения классической и новейшей литературы, насущные проблемы. В 2011 году вышли первые три тома новой серии:

«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ»,
«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ»,
«ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ.
ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА».

Оформить подписку на новую серию можно одновременно с подпиской на журнал в агентствах печати и в редакции нашего журнала.

**Выражаем благодарность за финансовую поддержку,
которую оказывают журналу Министерство культуры РФ и
Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям.**

Публикация. Воспоминания. Сообщения

Владимир КАНТОР

ТРУДНОЕ СБЛИЖЕНИЕ: ЗАЙЦЕВ И СТЕПУН*

Все как-то просто и непросто с этим писателем. Вроде, все пишущие о Борисе Зайцеве (1881—1972) называют его классиком, позиция его человеческая и писательская всегда была бескомпромиссна, вызывает уважение; чувство достоинства (что так важно для художника) он всегда сохранял. Но определения его творчества как-то смутны и расплывчаты. Акварелист, импрессионист, истинно русский писатель. И даже Федор Степун (1884—1965), написавший одну из самых больших прижизненных статей о Зайцеве (причем юбилейную — в 1961 году!), чтобы сказать о писателе — ставит его в контекст, в сравнение, чего

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-03-00064а.)

он никогда не делал, когда писал о Бунине или Андрее Белом, Александре Блоке или Вячеславе Иванове. Три четверти статьи заняты анализом то Шмелева (в связи с Зайцевым), то Л. Андреева (в связи с Зайцевым), то Блока (опять в той же связи), а потом Степун пытается понять Зайцева через тексты самого писателя о Жуковском, Тургеневе и Чехове.

Время их реальных первых встреч определить трудно, хотя круг общения был общий («Мусагет»), но тогда — до революции — они прошли мимо друг друга. Степун был начинающий философ, неокантианец, а потому — по общему представлению — чуждый родных российских проблем. Как правило, общее мнение обманчиво, и Степун стал одним из самых ярких описателей и толкователей пред- и по-революционной России. Но в то время он был мало кому известен. А Зайцев был уже весьма известным писателем, автором многих рассказов и напумевшей повести «Аграфена» (1908), переводчик Флобера, в 1916 году начало выходить его семитомное собрание сочинений. Еще до революции знаменитый критик Ю. Айхенвальд включил очерк о Зайцеве в свой третий выпуск «Силуэтов», где писал: «На горизонте русской литературы тихо горит чистая звезда Бориса Зайцева. У нее есть свой особый, с другими не сливающийся свет, и от нее идет много благородных утешений. Зайцев нежен и хрупок, но в то же время не сходит с реалистической почвы, ни о чем не стесняется говорить, все называет по имени; он часто приникает к земле, к низменности, — однако сам остается не запятнан, как солнечный луч. Он душою своей возносится над “миром тесноты и тьмы”, поднимается к Филону-философу, к предвечному божеству гностиков, но не гнушается и тем, что внизу. Это удивительное сочетание натурализма и поэтичности, эта наивная небрежливость уверенного в себе хрустального писателя вызывает и в душе читающего то очищение, то аристотелевское “катарзис”, от которого бесконечно далеки многие произведения современного слова. Чистый, насквозь пронизанный солнцем, верный сын его, Зайцев и

сам пронизывает жизнь светом тихим, светом славы; он чувствует святость природы и человека, и это именно составляет его охрану, его палладиум в жизненных скитаниях, сквозь гущу грубой обыденности»¹. В 1918 году был опубликован самый известный его роман «Голубая звезда», роман странный, до сих пор, на мой взгляд, не проанализированный как следует. Но о нем позже.

Зайцев был писатель чеховско-бунинской школы, у Степуна же на всю жизнь осталось пристрастие к немецкому романтизму, соответственно в России — к символистам. Уже за рубежом он открыл для себя, задолго до Нобелевской премии, Ивана Бунина как самого крупного русского писателя современности. Надо сказать, что Бунин и его окружение высоко ценили художественный вкус Степуна. Бунин считал, что он лучше всех сумел объяснить его прозу. Его домочадцы разделяли мнение мэтра, часто посылая Степуну для оценки свои рукописи еще до публикации. Имеет смысл привести дневниковую запись Галины Кузнецовой 1932 года, пославшей философу текст своего романа «Пролог»: «Одобрительно благожелательный отзыв Степуна о моей рукописи. Самое приятное то, что он услышал и запомнил мой собственный голос, который он называет “печальным и задумчивым”»². Хочу сразу оговориться, что в своей статье я не собираюсь комментировать отношения Степуна и Бунина в связи с уходом возлюбленной нобелевского лауреата к сестре Степуна — Марге. Об этом слишком много написано. Тема моя другая — для меня существенно, что через восприятие прозы Бунина, вживание в нее, романтик и аналитик символизма Степун воспринял реализм Зайцева.

¹ Айхенвальд Ю. Борис Зайцев. Наброски // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. С. 437.

² Кузнецова Г. Н. Грасский дневник / Сост., вступ. ст., комментарии О. Р. Демидовой. СПб.: Мирь, 2009. С. 296.

Хотя не сразу. Сохранилось его письмо к Бунину, где о Зайцеве он отзывается совсем без восхищения. 16 марта 1951 года Степун писал Бунину из Мюнхена: «Боюсь, что Зайцев обиделся на меня, так как я отказал Мельгунову написать статью о нем, но мне это было бы трудно, так как моя любовь к нему как к калужанину, выросшему, как и я, на Оке, сильно превышает мою оценку его как писателя, но это между нами»³. Возможно, это было связано с размолвкой между Буниным и Зайцевым. Не совсем пустяковой, когда М. Цетлина из Нью-Йорка прислала Зайцеву письмо, в котором описывала, что Бунин «перекинулся» на сторону Советов. Основания были, Бунин почти вернулся в Советскую Россию, но вовремя повернул обратно. Беда была в том, что Зайцев показывал это письмо без разрешения Бунина эмигрантской диаспоре. И Бунин в эти годы разорвал с Зайцевым все отношения. Помирились они перед смертью Бунина. И к семидесятилетию Зайцева Степун не написал ни строчки. Но, как говорят, писатель в России должен жить долго. И вот к восьмидесятилетию писателя Степун пишет одну из лучших статей о Зайцеве.

В тексте статьи он дает, быть может, лучшее определение художественных особенностей прозы Бориса Константиновича Зайцева: «Природа лиризма родственна природе музыки. “Голубая звезда” и “Дом в Пасси” исполнены зайцевской музыки. С этой музыкой связана и степень пластичности выведенных им персонажей. Они очень видны, очень пластичны, как в психологическом, так и в социологическом смысле. Но они пластичны пластичностью барельефа, а не скульптуры. Они как бы проплывают перед читателем, но не останавливаются перед ним. Они не

³ Письма Ф. А. Степуна И. А. Бунину / Вступ. ст. К. Хуфена. Публ. и прим. Р. Дэвиса и К. Хуфена // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 128.

скульптурны. Их нельзя обойти кругом. В искусстве Зайцева, взятом в целом, нет толстовского начала. Но это не недостаток его творчества, а его особенность, связанная прежде всего с религиозной настроенностью его души. Двухмерное изображение Алексея-Божьего человека на иконе вполне естественно, но Божий человек, трехмерно высеченный из мрамора, уже проблематичен⁴. Итак, барельефность, но барельефность предполагает и некую прямоту изображения, без погружения в душевные изломы. Все трагические судьбы своих героев Зайцев дает как бы извне, глазами наблюдателя, изображает то, что видит. Но эта прямота придавало силу его публицистике.

Но все же вернемся в Серебряный век, время становления и Зайцева, и Степуна. Это было, пожалуй, самое свободное для культуры время. Правда, как потом стало понятно, скорее всего, это был танец на краю пропасти. Впрочем, и Достоевский, и Соловьев, и Леонтьев в будущем России увидели катастрофу и наступление режима, который будет много жестче и мрачнее, чем засыпающее самодержавие. Вообще, уходящая эпоха, уходящий дракон позволяет подопечному населению некие вольные деяния. И вот царь-освободитель взорван бомбой, террор становится бытом русской жизни. Достоевский увидел в русском будущем «шигалевщину», бесов, кровавые пятерки, в общем то, что надвинулось на Россию. Леонтьев в 1891 году произнес мрачные слова, что именно Россия родит из своих недр антихриста. В 1900 году Вл. Соловьев по сути дела подтвердил его слова в своей «Краткой повести об антихристе», расписал это явление в символических, но вполне внятных образах. Повесть была переведена на много языков. В 1908 году был опубликован роман-трактат «Антихрист» знаме-

⁴ *Степун Ф. А.* Борису Константиновичу Зайцеву — к его восьмидесятилетию // *Степун Ф. А.* Сочинения. Сост., вступ. ст., примеч. и библиография В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000. С. 735.

нитого писателя и богослова Валентина Свенцицкого. Сроки близились. Но накануне европейской катастрофы — Первой мировой войны — никто не хотел верить в мрачные пророчества. Поставленные Художественным театром «Бесы» Достоевского были восприняты некоторыми с восторгом, но так называемой прогрессивной общественностью — с недоумением. Горький увидел выражение мещанской психологии в поисках Достоевским ответов на роковые вопросы человеческого бытия.

Степун довольно резко выступил против Горького, стилистически и мировоззренчески тот был ему абсолютно чужд. Зайцев, казалось бы, как реалист должен бы по-другому отнестись к писателю, с ницшеанским напором взявшему на себя патронаж русского реализма. Но Зайцеву всегда претили властные призывы. Как справедливо заметил о нем А. Кара-Мурза: «Можно сказать, что Борис Зайцев стал одним из интеллектуальных лидеров процесса, важного для русского “Серебряного века”, — во многом спонтанного, но со временем все более акцентированного. Это характерный процесс размежевания двух пространств — “пространства власти” и “пространства культуры”, создающегося в значительной степени переживаниями “паломничеств” в Европу. То было движение, однозначно плодотворное для самоопределения русской культуры, но весьма неоднозначное для российской политики. Ведь значительная часть творческих сил периодически (и иногда надолго) как бы самоустранялась с арены политики, оставляя “один на один” официальное охранительство и нарастающий русский радикализм, другими словами, — Реакцию и Революцию»⁵. Действительно, «пространства власти» он и впрямь не принимал, от кого бы

⁵ *Кара-Мурза А. А.* «Пространство культуры» versus «пространство власти» (Историософские размышления Бориса Константиновича Зайцева) // *Кара-Мурза А. А.* Интеллектуальные портреты. Очерки о русских мыслителях XIX—XX вв. Вып. 2. М.:ИФ РАН, 2009. С. 43—44.

это ощущение власти ни исходило. В общем-то, настоящий христианин, — как сказал когда-то Лютер, — отдает свою волю Богу, зато независим от земного начальства.

В эти годы в России происходила в интеллектуальных кругах своего рода переориентация православия на протестантские принципы. Самая влиятельная и знаменитая книга тех лет — сборник «Вехи» (1909) — призывала к созданию протестантской этики труда на основе православия. Поэтому так претило Зайцеву всякое земное властное начало. Он мог бы вполне повторить следом за гиппонским епископом, что все правительства на земле суть разбойничьи шайки. Скажем, о Горьком он написал позже, в 1932 году, так: «Встретиться с Горьким пришлось очень скоро, у Леонида Андреева. Высокий, сутулящийся, в блузе с ремешком, слегка закинута голова с плоскими прядями волос, небольшие бойкие глаза, вздернутый нос, манера покручивать рыжеватые усики, закладывать руку за пояс-ремешок блузы, что-нибудь изрекать, окая по-нижегородски... — таким он помнится. Большая, все растущая слава. И некоторое уже “знамя”, наклон влево. Чехов — чистая литература. Горький — вывеска для некоего буревестничества. В этом смысле он роковой человек. Литературно “Буревестник” его убог. Но сам Горький — первый, в ком так ярко выразилась грядущая (плебейская) полоса русской жизни. Невелик в искусстве, но значителен, как ранний Соловей-Разбойник. Посвист у него довольно громкий... раздался на всю Россию — и в Европе нашел отклик. Не удивляюсь, что сейчас Сталин так приветствует его: сам-то Сталин, со своими экспроприациями, бомбами, темными друзьями был всегда двоюродным братом Горького. Горький лишь вращался в более приличном мире. (Этот просвещенный мир, увы, долго не распознавал истинного его лица...)»⁶.

⁶ *Зайцев Борис. Братья-писатели // Зайцев Б.* http://royallib.ru/read/zaytsev_boris/bratya_pisateli.html

Вот здесь и возникает вопрос. В его лучшей, по общему мнению, вещи, «Голубой звезде», совершенно отсутствует тема умирающей власти в атмосфере больной и сходящей с ума России. Не увидел он и грядущей власти нового и жестокого мира. Возможно, ему застил глаза патриотический мираж. Не забудем, что уже четыре года идет страшная война, на которой Степун воевал как артиллерист, а потому (да и не только потому) ненавидел патриотические призывы к войне. А Зайцев в 1917 году издал брошюру «Беседа о войне», где обвинял Германию в агрессивности, призывал к войне до победного конца и т. п. В романе Зайцева рассказывается об изломанной и нервической жизни в эти годы московских миллиардеров, интеллигентных дам, которые словно не видят, что уже три года идет страшная война, по сути дела, бойня, что Россия на краю пропасти, а среди этих дам, то строгого, то сравнительно легкого поведения, три мужских персонажа. Первый это некто Никодимов, шулер, бывший военный разведчик, альфонс, мистически боящийся лифтов (постоянный непонятный сон о швейцаре перед лифтом), при этом еще и гомосексуалист, пытающийся картами обеспечить своего любовника. Погибает он глупо, раздавленный лифтом, упав в лифтовую шахту, куда указал ему рукой таинственный швейцар из сна. Потом некто Ретизанов, словно вышедший из романов Федора Сологуба, беседующий со «своими гениями», стреляющийся с Никодимовым на дуэли из-за русской танцовщицы, вроде Айседоры Дункан, умирает, когда узнает, что она, оставив его, уезжает с каким-то англичанином в Европу добывать себе мировую славу. И, наконец, вроде бы главный герой с характерными и говорящими именем и фамилией — Алексей Христофоров, — стилистикой речи очень напоминающий князя Мышкина или Алешу Карамазова. Видно, сам Зайцев это чувствовал, ибо в тексте указал рифмовку с романом Достоевского: «— А скажите, — вдруг спросил Ретизанов, — когда вы читаете “Идиота”, то чувствуете вы некоторую атмосферу как бы

ультрафиолетовых лучей всюду, где появляется князь Мышкин? Такая нематериальная фосфоресценция...» Но ультрафиолет у Достоевского дан в контексте великих страстей, русской трагедии, которая выворачивает наизнанку души героев, в том числе и у князя Мышкина. А Христофоров — из того типа людей, которых иронически зовут «христосиками», он и в самом деле может только говорить слова о голубой звезде Вега красивой барышне Машуре, всем послушный, ни с кем не входящий во внутренний контакт. Поэтому все смерти романа кажутся случайностью. Я бы назвал одну здесь явную удачу Зайцева: образ гимназиста «из простых», жениха Машуры — явное предвестие влюбленного в Лару Стрельникова из «Доктора Живаго».

Находившийся в действующей армии Степун писал по поводу ура-патриотических философствований: «Ужаснейшая ложь нашей идеологии. “Отечественная война”, “Война за освобождение угнетенных народностей”, “Война за культуру и свободу”, “Война и св. София”, “От Канта к Круппу” — все это отвратительно тем, что из всего этого смотрят на мир не живые, взволнованные чувством и мыслью пытливые человеческие глаза, а какие-то слепые бельма публицистической нечестности и философского доктринерства»⁷. А реальность, или, по словам Степуна, «эмпирия» войны, была другой: «Они вряд ли узревают, что здесь над миллионами людей, поставленных в ряды защитников родины, отнюдь не созерцанием идеи, а принудительной силой государственной власти ежедневно приводятся в исполнение неизвестно кем по какому праву вынесенные смертные приговоры. Они не узревают, что подавляющее большинство воюет только потому, что попытка избежать ве-

⁷ *Степун Федор (Н. Лугин)*. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. С. 75.

роятной смерти в бою ведет прямым путем к неминуемой смерти по суду через повешение»⁸. Отсюда, безусловно, выростала вся чудовищная жестокость будущего большевизма. Во всяком случае, здесь и жертвы, и кровь были уже настоящие и готовили Россию к большевистским теургическим действиям. Степун видел вокруг себя то состояние умов, которое он позднее назовет «*метафизической инфляцией*»⁹. Напомню наблюдение Бердяева: «Новый антропологический тип вышел из войны, которая и дала большевистские кадры»¹⁰.

В 1918 году вернувшийся с фронта в Петроград Степун вовлекается в политическую борьбу, пытаясь отстаивать идею демократического представительства. Становится начальником политуправления военного министерства с Борисом Савинковым во главе при Временном правительстве. Ему кажется, что наступила в России эпоха устроения правового демократического общества. Но в России разгорается и торжествует хаос. Степун чудом несколько раз как бывший офицер избегает гибели. Как и Зайцев, как и большинство русских интеллектуалов, он остается в России, ответив как-то допрашивавшему его чекисту, что нельзя сыну бежать от постели больной матери. Зайцев и Степун оказываются единомышленниками, людьми, пытающимися выстоять в бесовском разгуле, о котором Зайцев позже написал так: «Та осень девятнадцатого года была удивительна, ни на что не похожа. Грозная, страшная осень даже в природе. Метели начались в октябре. Все задувало, заносило, рвало, разбрасывало. Погибала в свисте вьюг вековая Россия, Как описать, что сказать о сердцах наших в те

⁸ *Степун Федор (Н. Лугин)*. Из писем прапорщика-артиллериста. С. 68–69.

⁹ *Степун Федор*. Путь творческой революции // *Степун Ф. А.* Сочинения. С. 430.

¹⁰ *Бердяев Н. А.* Самопознание. М.: Книга, 1991. С. 230.

дни? Чем выразить глубину отчаяния? Разве плачем на реках Вавилонских...»¹¹.

Бытовая жизнь ладилась плохо. В московской Лавке писателей русские литераторы были вынуждены сами продавать свои книги. Степун в мемуарах писал: «Приезжая из деревни, я каждый раз заходил на Большую Никитскую, где торговали Бердяев, пристрастный поклонник Флобера и несправедливый хулигатель его друга Тургенева Грифцов, милый Борис Зайцев, нежный беллетрист с душой поэта и профилем Данте, эстетически обесцененным жиденькою бородкою земского врача»¹². Здесь все точно ухвачено — чеховское начало в творчестве писателя и его бесконечную любовь к Италии, к Данте. Стоит напомнить, что Зайцев всю жизнь работал над переводом «Божественной комедии», и в 1961 году опубликовал первую часть — «Ад». Он прекрасно понимал и видел, каков есть ад на земле. Русский изгнанник чувствовал духовное родство с флорентийским изгнанником. Даже в большевистской разоренной Москве он пытался показать близость русского ада дантовскому. Зайцев вспоминал: «В Лавке Писателей вывешивается плакат “Цикл Рафаэля”, “Венеция”, “Данте”. Председатель этого учреждения Муратов. Члены — Осоргин, Дживелегов, Грифцов, я и др. читаем в аудитории на углу Мерзляковского и Поварской, там были Высшие Женские курсы. В Дантовском цикле у нас и “дантовский пейзаж”, и Беатриче, и дантова символика»¹³.

В эти же годы начинается более тесный контакт Степуна и Зайцева. Поневоле люди, занимавшие близкую позицию, пытавшиеся противопоставить большевикам не

¹¹ Зайцев Б. К. Памяти погибших // Зайцев Б. К. Дневник писателя. М.: Русский путь, 2009. С. 82.

¹² Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 516.

¹³ Зайцев Борис. П. П. Муратов // Зайцев Борис. Далекое. Washington: Inter-Language Literary Associates, 1965. С. 91.

партийную или вооруженную борьбу, а духовную независимость, оказывались рядом. Степун вспоминал: «В 1922 г. в книгоиздательстве “Шиповник” вышел под моей редакцией номер одноименного журнала». Рассказывая об усилиях, которые ему пришлось приложить, Степун с гордостью замечает, что это был «литературно-философский сборник, ни одним словом не свидетельствовавший о том, что он вышел в советской Москве, а не в эмигрантском Париже»¹⁴. Он, правда, не сообщает, что одним из текстов сборника был лучший рассказ Зайцева «Улица Св. Николая», рассказ об Арбате, как выражающем христианскую суть Москвы. И этот рассказ, как и статья самого Степуна «Театр будущего (Трагедия и современность)» были заявлением той позиции, которая в те годы казалась единственной альтернативой большевизму, — попыткой понять и спасти, как формулировал это Степун, «религиозный смысл пронесшейся над нами катастрофы»¹⁵. В 1922 году оба они оказались в эмиграции. Степун был среди изгнанных мыслителей, писателей, историков, которым была предложена эта «высшая мера» с предупреждением, что в случае их незаконного возвращения на Родину им грозит смертная казнь. Любопытно, что поводом к ярости Ленина послужил сборник, выпущенный Степуном, «Освальд Шпенглер и Закат Европы». Вполне культуртрегерский сборник был назван вождем «литературным прикрытием белогвардейской организации»¹⁶. В результате была выработана политика по высылке инакомыслов за пределы Советской России. Зайцев в начале 20-х чуть не умер от тифа, был спасен женой, не отходившей от него ни на минуту. И, как бывало в хаосе тех лет,

¹⁴ *Степун Федор*. Бывшее и несбывшееся. С. 507.

¹⁵ *Степун Федор*. Театр будущего // *Степун Ф. А.* Сочинения. С. 198.

¹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 198.

был отпущен на лечение за границу. Думаю, это было вариантом все той же высылки неугодных властям деятелей культуры. Высылали, понимая, что Зайцев не вернется. Он и не вернулся.

Дальше, в сущности, вся жизнь эмигрантов была посвящена одной задаче — осмыслить, что же такое эта выгнавшая их Россия, почему народ принял сторону антихристианского, даже антихристового, движения, как признавать себя в этом контексте. Степун пишет большой цикл философско-публицистических статей «Мысли о России», печатая их в «Современных записках». В 1929 году он там же печатает свой роман «Николай Переслегин», который вчерне закончил еще в большевистской России. Здесь стоит сказать, что Степун, как многие русские мыслители (Леонтьев, Герцен, Чернышевский, Соловьев, Мережковский), был еще и писатель (впрочем, было и наоборот, вспомним имена Толстого и Достоевского). Разумеется, его волновало, как отнесутся к его художественному творчеству соотечественники по эмиграции. Роман похвалил Томас Манн, скупно, но похвалил Бунин, вдрызг ругали Мережковский и Гиппиус, увидевшие в Степуне соперника. Интересно, что категорически не принял его Струве. В письме к Бунину 1929 года Степун писал, пересказывая дошедшие до него сплетни: «Недавно обругал Струве. Степун с тепуном на языке пишет повести (!) и романы (?), плохо, по-суздальски, но зато как беллетрист занимается политикой (и с чего это люди так злятся, — очень мне это трудно понять!?)»¹⁷. Причина этой злости, однако, понятна. Струве призывал по-прежнему к вооруженной борьбе против Советской России, разойдясь в этом пункте даже с С. Франком, своим старинным другом. Одним из главных оппонентов Струве в этом пункте был Степун, твердо стоявший на позициях идейного неприятия большевизма, но

¹⁷ Письма Ф. А. Степуна И. А. Бунину. С. 93.

отметавший как вздорную мысль о вооруженной экспансии, поскольку большевизм — это народная стихия, а воевать с народом бессмысленно. Свою неприязнь к Степуна, придуманные им клише Струве помнил долго и в 1932 году в статье «"Беллетристическая" политика» выступил против речи Степуна, в которой тот протестовал против «методов активизма», повторив свои определения творчества Степуна уже печатно. Помянув, что есть поговорка «Степун тебе на язык», так определил творчество оппонента: «Как беллетрист, он пишет повести и романы <...> Но Степун и политикой занимается как — "беллетрист", и притом несомненно беллетрист именно в кавычках, т.е. плохой, по-суздальски»¹⁸.

В понимании народной стихии как большевистской Степун нашел союзника в лице Зайцева, который шагнул еще дальше, назвав эту стихию антихристианской. Именно Зайцев высказал одну существенную мысль для понимания развития и русского православия, и русского образованного общества — по отношению к христианству. Пожалуй, после Соловьева никто с такой резкостью не говорил о христианском пафосе русской интеллигенции в контрасте с народом. Но это соображение было, конечно, выстрадано — судьбой России и своей скитальческой судьбой: «В России же удивительно следующее: в довоенное время опорой православия считался простой народ, в значительной степени крестьяне. Большинство церквей — по сельской России. Большинство верующих были мещане, серые купцы, крестьяне. Теперь все изменилось. Крестьяне, оказалось, очень мало *сердцем* были преданы вере. Я знаю русскую деревню и не удивляюсь массовому закрытию там церквей. Помню и довоенное сельское духовенство <...>

¹⁸ Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. С. 664.

А интеллигенция при мне, в мои ранние годы, — сплошь находилась вне веры — теперь она главный оплот ее — и в России, и в эмиграции»¹⁹.

То, чему в революцию удивился православный мыслитель С. Булгаков, — что русский народ оказался вне церкви («На пиру богов»), — что совершенно не видел Струве, оказалось внятно русскому православному писателю. Конечно, в нем не было силы Достоевского. Его упрекал в этом Федотов: «Уместно поставить вопрос, важный для нас, русских: почему трагедия Достоевского не нашла себе последователей у нас? Достоевский оказал огромное влияние на все наше православное возрождение и на поколение символизма вообще. Им в значительной мере питалось новое богословское сознание. И вот, те православные художники слова, которые ныне составляют особый, ясно очерченный сектор русской литературы, чужды трагедии. В своей религии они нашли покой от суеты и безумия мира: в церковном ли благолепии быта (Шмелев), в чистой ли элегической красоте тварного и уже закатного мира (Зайцев). Зло и мрак оставлены в удел безбожникам или людям без догмата. Те живут этим мраком, но без материи нравственной борьбы не могут претворить мрак в материал для подлинной трагедии»²⁰. Но кому что дано! Достоевский был великий визионер, предчувствовавший катастрофы России, обличавший свой народ, предупреждавший его, как ветхозаветный пророк, а Зайцев жил в эпоху, когда катастрофа уже свершилась, когда важнее, быть может, была стойкость и выдержка. Как когда-то писал любимец Зайцева Тургенев, «твердость дер-

¹⁹ Зайцев Б. К. Об интеллигенции // Зайцев Б. К. Дневник писателя. С. 91.

²⁰ Федотов Г. П. Христианская трагедия // Федотов Г. П. Собр. соч. в 12 тт. Т. 9. Статьи американского периода. М.: Мартис, 2004. С. 335.

жать знамя». И Зайцев его держал. Строго говоря, именно вокруг него, как бессменного с 1947 года председателя Союза русских писателей и журналистов, собирались русские литераторы-изгнанники.

Именно эту твердость либерала-христианина выделил Степун. Он указал в своей статье на то, что в эмиграции особенно было важно, — религиозную стилистику писателя. Религиозность держала русских эмигрантов как некое единое целое, как некогда евреи в диаспоре группировались вокруг Ветхого Завета. Но Ветхий Завет суров. Такая суровость в русской эмиграции из писателей была, пожалуй, лишь у Бунина, который прочитал Россию как период трагической любви («Темные аллеи»). Любовь к женщине столь же трагична, как любовь к Родине. Зайцев иной: «Святая Русь» — термин славянофилов, еще в большей степени термин Достоевского, но у Зайцева он значит нечто иное. В зайцевском патриотизме нет ни политического империализма, ни вероисповеднического шовинизма, ни пренебрежительного отношения к Европе. Его патриотизм носит чисто эротический характер, в нем нет ничего кроме глубокой любви к России, даже нежной влюбленности в нее, тихую, ласковую, скромную и богоисполненную душу русской природы, которую Зайцев описывает отнюдь не как «передвижник»-реалист, но с явным налетом творческой стилизации. То, что он говорит о русском яблоневом саде, распространимо на всю русскую природу. Вся Россия для Зайцева — некий «скромный рай». Метель у него не просто метель, а некое «белое действо». Ока впадает у него не в Волгу, а в вечность, жеребенок на холме — не просто жеребенок, а призрак. «Орион», «Сириус», «голубая звезда Вега» вечно сияют у Зайцева над скромной нищетою русской земли, достаивая ее и украшая за ее тишину»²¹.

²¹ *Степун Ф. А.* Борису Константиновичу Зайцеву — к его восьмидесятилетию. С. 736.

Однако именно потеря рая предполагала некие усилия по отстаиванию его принципов в кромешном мире. Нельзя тишину понимать как бездеятельность, это то состояние внутреннего мира, которое означает твердость и уверенность в себе, несет в себе силы духовного преобразования, жажды свободы, сближавшей Степуна и Зайцева. Слова Г. Адамовича можно поставить либо как эпитафия, либо как заключение к судьбе Бориса Константиновича: «Надо, однако, помнить, что среди писателей, покинувших родину ради свободы, Зайцев — один из тех, кому свобода действительно оказалась нужна, ибо никак, никакими способами, никакими уловками не мог бы он там выразить того, что говорит здесь. Не у всех есть это оправдание. Если мы вправе толковать о духовном творчестве в эмиграции, то лишь благодаря таким писателям, как он. Судить и взвешивать, каково это творчество — необходимо и важно. Но самое важное то, чтобы действительно было о чем судить и что взвешивать»²².

Детали жизни Зайцева порой символически комичны. Когда в 1971 году (год смерти Зайцева) в Париж приехал Брежнев, Зайцев был признан «опасным элементом», и парижская префектура потребовала от глубокого старика отмечаться дважды в день в комиссариате своего квартала. Девяностолетний писатель казался советским деятелям опасным, как террорист. Просоветские настроения французских левых известны (вспомнить хотя бы интеллектуала Сартра), но тут не общество, а французские власти, как часто весь Запад, легли под Советы. Можно по поводу этого события сказать, что парадоксы истории комичны, когда не смертельны.

В 1965 году восьмидесяти одного года от роду умер Степун. В 1967 году старик Зайцев в очередной мемуар-

²² Адамович Г. В. Борис Зайцев // Адамович Г. В. Одиночество и свобода. СПб.: Алетейя, 2002. С. 204.

ной книге, вспоминая прошлое, мимоходом помянул Степуна: «Жизнь Буниных несколько изменилась. Галина Николаевна уехала в Геттинген, где выступала в опере Маргарита (Марга) Степун, сестра известного писателя, ее новая приятельница. А затем и вовсе покинула Буниных»²³. Уже умерший к этому времени Степун для Зайцева не философ, а «известный писатель». Степун очень хотел, чтобы он был признан не только как философ, очень трепетно относился к своей прозе, не раз переиздавал свой роман и очерки. Его мемуары «Бывшее и несбывшееся», конечно, великое художественное произведение, не в меньшей степени, чем для своего времени «Былое и думы» Герцена. И если к его роману отношения были весьма разные, порой резко неблагоприятные — у Мережковского, у Струве, — то книга его воспоминаний всеми была признана шедевром. И посмертно заслуженное, как само собой разумеющееся, — «известный писатель». Но забыта его вторая ипостась, ипостась философа. Это понимание двойного состава творчества Степуна приходит спустя годы. Современникам трудно увидеть целостность человека.

Письма Степуна хранятся в Рукописном отделе Бахметьевского архива Колумбийского университета, Нью-Йорк, США: Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive, Ms Coll 1 Zaitsev. Stepun, Fedor Avgustovich. Munich, 1949—1956. To Boris K. & Vera A. Zaitsev. Письма напечатаны на машинке.

Не могу не выразить признательность программе Фулбрайт, руководителю архива Ричарду Вортману и моему куратору, хранителю Бахметьевского архива Татьяне Чеботаревой, за предоставленную возможность работать в Нью-Йорке с письмами Степуна.

²³ *Зайцев Б. К. Повесть о Вере // Зайцев Б. К. Золотой узор. Роман. Повести. М.: Интерпринт, 1992. С. 322.*

Письма Ф. А. Степуна Борису и Вере Зайцевым

1

Дорогие Вера Алексеевна и Борис Константинович¹,

Ты память, муз вскормившая, свята,
Тебя зову, но не воспомяне².

Зная себя, я всю жизнь боялся воспоминаний, этого недуга всех романтических душ, но начинающаяся старость берет свое, и воспоминания все плотнее окружают душу. Вы, как москвичи, да еще как москвичи, связанные с Калугой, под которой прошло мое счастливое детство³, сейчас как-то особенно близки моей душе. Об этой близости я почти что с нежностью писал вам в ответ на запрос Веры Алексеевны⁴ о нашей жизни и об адресе Марги и Галины⁵. К сожалению, письмо не дошло до вас. Повторять написанное я не могу. Мое тогдашнее лирическое излияние было внушено повторным чтением «Путешествия Глеба»⁶, быть может, самой мне близкой книгой из всех ваших книг, дорогой Борис Константинович.

Хотя война и кончилась, хотя и сгинул, рассыпался в прах чудовищный национал-социализм, мы здесь конца войны по-настоящему еще не чувствуем. В каком-то смысле еще больше, чем под грохотом бомб, среди горящих городов гнетет наша полная отрезанность от мира, незнание, что в нем происходит, что таит в себе завтрашний день. Величайшей загадкой стоит перед завязанными глазами Россия. Великое множество советских людей, с которыми пришлось за последние годы встретиться, сами впотьмах. Все они по-разному отражают темную тайну современной России, но все одинаково не раскрывают ее. Может быть, вам виднее, может быть, ваша интуиция прозорливее. Очень хотелось бы знать, в каких вы живете настроениях, куда клонит вас ваша любовь к России. И не только вас, но и всех тех, с которыми мы с вами связаны общей традицией и общими воспоминаниями. Чем боль-

ше живешь, тем отчетливее сознаешь, что по-настоящему близки могут быть только те люди, которые на вопрос «А помните ли?» могут сразу же ответить «Ну, конечно же, помним».

За последние годы войны, за годы полной отрезанности от нашей эмигрантской нации, моим величайшим утешением была моя большая русская библиотека, все же около тысячи томов и томиков. Каждый вечер можно было снять с полки или Тургенева (не самого значительного русского писателя, но самого крупного среди наших прозаиков поэта любви, и перечесть несколько страниц «Дыма», «Дворянского гнезда», «Поездки в Полесье») или лесковского «Очарованного странника», или Пушкина, Толстого, «Улицу св. Николая»⁷, с изображением Кривоколенного переулка на обложке, Тютчева, Анненкова, Блока, Белого. Теперь все это сгорело⁸, и временами я чувствую себя деревом с подрубленными корнями. Утрата книг гораздо печальнее, чем утрата квартиры. А все же жаль, что вы у нас так и не были. Вы провели бы несколько дней почти что в русской усадьбе. В больших комнатах с большими голландскими печами стояла старинная мебель красного дерева, а под окнами — яблони. Помню, как наша квартира приятно поразила Марью Михайловну Фидлер⁹, дочь Маргариты Кирилловны¹⁰, когда она впервые приехала к нам из Берлина. Это не жалоба, а только лирический вздох навстречу лирическому Зайцеву.

Главное, что делается в Париже? Существует ли еще эмиграция как духовное начало и социальное тело, есть ли уже газеты и журналы? Есть ли свобода в них? Собирается ли кто-нибудь продолжать Современные Записки, возможно ли издание книг? Меня все это интересует и в общем и в частном порядке, так как я заканчиваю большую книгу, смесь воспоминаний, раздумий и вымыслов, в которой пытаюсь нарисовать и облик России и облик революции¹¹. В книге более тысячи страниц, очень хотелось бы выпустить ее на русском языке¹². Что делается среди парижских знакомых? Один швейцарский издатель¹³ мне

писал, что Николай Александрович¹⁴ пользуется ныне большим признанием Советской России. Если это верно, это было бы очень важно. Что делает Алексей Михайлович¹⁵ и Шмелев. Растет ли писательская молодежь? В Париже ли Бунин? Что всеми вами написано, и чем вы все живете?

Ну, кончаю. Буду страшно ждать вашего ответа. Бог даст, вы словчите как-нибудь переслать его.

Наташа и я крепко обнимаем и целуем вас.

Ваши Н. и Ф. Степуны

¹ Письмо не датировано. Предположительно — 1949 год.

² Строчки Вячеслава Иванова из зачина незавершенной им поэмы «Деревья» (1917—1918).

³ Детство Степуна прошло в маленьком городке Кондрово, где 25 сентября 2009 года на его родном доме была установлена (автором этих строк вместе с коллегой А. Кара-Мурзой) памятная доска с надписью: «В этом доме с 1887 по 1894 гг. жил Федор Августович Степун, выдающийся русский философ, писатель, профессор, большую часть жизни проведший в вынужденной эмиграции, идейный борец с тоталитаризмом».

⁴ *Вера Алексеевна Зайцева* (урожденная Орешникова, 1879—1965) — жена Б. К. Зайцева.

⁵ Речь идет об адресе пары — сестры Ф. А. — Марго Степун и Галины Кузнецовой, — после ухода последней от Бунина. Степун состоял с ними в переписке.

⁶ Автобиографическая тетралогия Зайцева под общим названием «Путешествие Глеба», состоящая из четырех романов: «Заря», Berlin, 1937; «Тишина», Paris, 1948; «Юность», Paris, 1950; «Древо жизни», New York, 1953. Конечно, в имени главного героя слышится парафраз имен двух первых русских святых — Бориса и Глеба.

⁷ Рассказ Зайцева. Впервые опубликован в Сборнике литературы и искусства «Шиповник». Под ред. Ф. Степуна. М.: Шиповник, 1922. № 1. Рассказ есть художественно-социологический срез московского Арбата в пред- и пореволюционную эпоху. На взгляд Зайцева, эта улица — символ христианской городской души России, где «Никола Милостивый, тихий и простой святитель, покровитель страждущих, друг бедных и заступник беззаступных», распростер «над улицей три креста своих, три алтаря своих». Любопытно отметить, что первый сборник прозы Зайцева стал первой книгой дореволюционного пе-

тербургского издательства под тем же названием. Писатель вспоминал: «В 1906 г., осенью, возникло в Петербурге новое издательство “Шиповник” — его основали молодой художник З. И. Гржебин и С. Ю. Копельман. Первою же книжкой “Шиповника” оказались как раз мои “Рассказы”» (*Зайцев Борис. Молодость — Россия // Зайцев Борис. В пути. Париж: Книгоиздательство Возрождение — La Renaissance, 1951. С. 17*).

⁸ Дом Степуна был уничтожен в результате страшной бомбежки Дрездена 13—15 февраля 1945 года англо-американской авиацией. Согласно отчету, в результате бомбардировки Дрездена авиацией союзников в феврале 1945 года погибли 25 тысяч человек. Степуна и его жену спасло счастливое стечение обстоятельств. В эти дни они уехали за город, где Степун хотел спокойно поработать над своими мемуарами. Таким образом, уцелели не только они, но и рукопись лучшей книги Степуна.

⁹ *Мария Михайловна (Маруся) Морозова (1905—?)*, младшая дочь М. К. Морозовой. Сестра знаменитого шекспироведа М. М. Морозова. Во второй половине 1920-х годов ей удалось уехать в Германию под видом гувернантки детей итальянского посла в СССР. Вышла замуж за Александра Фидлера, сына директора известной гимназии. После прихода Гитлера бежала в США.

¹⁰ *Мargarита Кирилловна Морозова*, урожденная Мамонтова (1873—1958), жена М. А. Морозова, фабриканта и коллекционера. Известная московская просветительница, меценатка, благотворительница. На ее деньги существовало издательство «Путь». Возлюбленная знаменитого русского философа Е. Н. Трубецкого.

¹¹ Речь идет о мемуарах Степуна, в русском варианте озаглавленных «Бывшее и несбывшееся».

¹² Первоначально книга вышла на немецком языке (более полный вариант, чем русский) и называлась «Vergangenes und Unvergängliches». (Bd. 1—3). München, 1947—1950.

¹³ Речь, очевидно, идет о *Фрице Либе. Fritz Lieb (1892—1970)* — швейцарский протестантский богослов, ученик К. Барта, издатель совместного немецко-русского религиозного журнала «Orient und Okzident».

¹⁴ *Николай Александрович Бердяев.*

¹⁵ *Алексей Михайлович Ремизов.*

2

22.6.56

Дорогой Борис Константинович,

Большое спасибо за Ваше письмо, которое меня очень обрадовало. Что Вы не отвечали, тому я не удивлялся:

сам часто собираюсь откликнуться, но не откликаюсь. Заедает страшная напряженность и динамичность моей жизни. Четыре часа в неделю читаю в Мюнхенском Университете. Раза два в неделю — где-нибудь в другом городе. Недавно читал в Бонне, в университетском семинаре. На вокзале меня встретил проф. Шилкарский¹ — не знаю, знаете ли Вы его. Он большой почитатель Соловьева, редактирующий сейчас полное собрание его сочинений, — и сказал, что в Бонне сейчас «действуют» три православных богослова из советской России. Они объезжают немецкие богословские факультеты, в порядке ответного визита слегка большевизанствующим немецким богословам. Пройдя в директорский кабинет славянского института, я застал там трех очень разных соотечественников. Вождем делегации был, по-видимому, инспектор Ленинградской духовной Академии, проф. Лев Николаевич Парийский². Плотный мужчина, в старомодном черном пиджаке, сытый, ласковый, как кот, с умными и пристальными глазами. Когда мы ему были представлены, я и Шилкарский и еще один московский немец, служащий в министерстве иностранных дел, он попросил разрешения записать наши имена, отчества и места работы. Когда я назвал свое имя, он без всякой двусмысленности и подчеркнутым положительным отношением сообщил, что мое имя хорошо известно в советской России. Доклад по-русски для студентов-славистов читал проф. Константин Андреевич Зборовский. Человек лет 65, очень русский, очень мягкий, сердечный и даже умильный. Тема доклада была «Роль русского монастыря в воспитании народа». Доклад был из рук вон слаб. Полон ошибок, но и полон восторга. Татьяна Ларина, Лиза Калитина, Анна Каренина, преступившая закон брака, — обо всех их он говорил не то как о сестрах, не то как о женщинах, которых он в молодости любил. Немцев удивило, что он ни разу не произнес «святых» имен, как будто бы никогда советская Россия не чтит Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина. Весь доклад был прямо-таки засиролен мона-

стырским духом и бытовым исповедничеством. После доклада были объявлены прения. Один из участников спросил, какова была судьба русских монастырей за последние 30 лет. На этот вопрос бедный Зборовский прочел будто бы пропущенное им в докладе слово патриарха Алексия при открытии какого-то монастыря. К этому он прибавил, что сейчас в России существует 69 монастырей. На этом прения и кончились, ибо всем стало ясно, что они невозможны.

Фамилию третьего богослова, человека с приятной и видной наружностью, я не помню. Это был очень бледный, худой человек с горячими, темными глазами и с поповски-нигилистической шевелюрой темных волос. Очень молчаливый, очень печальный и явно как-то вокруг себя осматривающийся. По кафедре — догматик.

Мы жили в одной гостинице, стена об стену. Сойдя утром пить кофе, я сознательно сел за маленький столик, думая, что соотечественникам, может быть, будет неуместно фамильярничать со мной. Но я ошибся. Как только они сошли вниз и поздоровались со мной, Лев Николаевич Парийский сразу же попросил меня перейти к ним. Я сел, и Лев Николаевич тут же стал меня любезно расспрашивать о церквах и священниках в Мюнхене (в Германии странным образом все церкви находятся в карловацкой юрисдикции³). Я рассказал ему, как у нас обстоят дела, и он сразу же перешел к принципиальному вопросу об эмигрантской церкви, т.е. по существу к вопросу, не пора ли всем истинно верующим переходить в патриаршую юрисдикцию⁴. На что я ответил, что не осуждая патриарха, которому видней, какими путями лучше всего возвращать советский народ к Церкви, я все же думаю, что у эмигрантской Церкви свои задачи и свои пути⁵, что для меня, регулярно читающего журнал Московской Патриархии, такой переход невозможен, ибо Патриаршая Церковь уж слишком усердствовала в прославлении Сталина, и как будто бы и ныне не замечает, что советские тюрьмы и концлагеря полны духовными лицами, о чем у

меня точные сведения. На этом разговор прекратился. Не желая его прекращать, я рассказал, что уже два года тому назад я, через советского представителя в Восточной Германии, получил приглашение проехаться в Ленинград для прочтения ряда лекций по вопросам германской культуры, на которое я не ответил, так как о таковой поездке для меня не могло быть и речи. Коллега Парийский очень оживился и стал мне упорно доказывать, что я напрасно отказался, что встретили бы меня очень радушно и что такая поездка, во всяком случае сейчас, никакой опасности для меня не заключает, так как все бывшее быльем поросло и советская Россия настолько сильна, что бояться свободного эмигрантского слова ей не приходится.

Я не стал оспаривать того, что весенние ветры, которые веют над Европой, с явно пропагандистскими целями, когда-нибудь и впрямь переменят взаимоотношения между эмиграцией и советской Россией. Но мне кажется, до этого дело еще не дошло, так как у нас в Мюнхене, да и в Берлине, все еще продолжается умыкание людей на ту сторону⁶. Как только я это сказал, проф. Парийский страшно взволновался и стал стыдить меня, как это я, такой умный и осведомленный человек, верю таким эмигрантским сплетням. Его волнение было столь искренне, что я склонен думать, что он и впрямь о похищении Трушновича⁷ в Берлине и попытке покушения на директора здешнего научного института — Яковлева⁸ ничего не знает. Конечно, я не преминул детально рассказать ему о том, как все было проведено. Он снова умолк.

Немым доказательством того отсутствия свободы, которое тяготело над всей делегацией, был тот страх, с которым проф. богословия принял в подарок завернутую книгу от одного участника богословского совещания в славистском институте. Оный участник преподнес ему книгу, завернутую в бумагу, и сказал, что хотел бы иметь мнение о ней. Печальноокий богослов никак не хотел принять этот подарок, отговариваясь тем, что в Германии

ему не будет времени прочесть эту книжку, на что немец, прекрасно говоривший по-русски, предложил ему взять книжку в Россию и написать ему оттуда. В конце концов богослов книжку взял, но явно с чувством, как будто он взял бомбу. На следующее утро за кофе он спросил меня, что это за книга. Осведомленный о том, что это была работа хорошего знатока вопроса о положении катакомбной церкви в России⁹, хорошо известного мне автора, я сказал, что врученная ему книга и не научная и не нейтральная, что в ней много нападений на патриаршую церковь и т. д. На это растерявшийся богослов попросил меня взять книгу обратно, так как ему с нею нечего делать. При прощании он вернул мне ее не распечатанной и на мой вопрос, не заглянул ли он в нее, ответил, что — нет, нет, этого он не сделал, так как ему очень хотелось спать. Вид у него при этом был несчастный.

Самое же грустное это то, что этот бесспорно духовный и научно-заинтересованный человек решительно ничего не знал о всем том сложном и новом, что творится в западном богословии. Я назвал ему 5—6 крупных имен и ряд выдающихся работ, о которых он решительно ничего не знал. Станным образом, он не записал себе названных мною работ. Вероятно, не надеясь на то, что он сможет их выписать в Россию. Я пытался расспросить богослова (фамилию его я забыл) о русских писателях, в частности о Леонове, которого я впервые напечатал в советской России¹⁰. Но он опять-таки не без испуга сказал: мы от всех этих кругов очень далеки. В заключение должен сказать, что я чувствовал себя в обществе впервые мною увиденных советских ученых, в конце концов, очень хорошо. Испытывал к ним приязнь и жалость и ни малейшего налета недоброжелательства.

Садясь за письмо, никак не думал писать Вам обо всем этом. Но, почувствовав себя входящим в Вашу квартиру и садящимся за чайный стол, неожиданно для себя разговаривался. Всегда чувствую близость к Вам и к Вере Алексеевне, конечно. Оба мы из Калужской губернии¹¹. Ваш

отец, как и мой отец, были директорами фабрик¹². Оба мы связаны с Окой и с паромом. Да и в Москве жили при Арбате. Все это как-то связывает.

А теперь о рецензии: Ваше письмо по этому вопросу кончается так, как будто бы у Вас писать некому. Кому Вы поначалу предложили рецензию, я не разобрал. Вы ясно начертали: «говорил с Водовым»¹³. Но я Водового не знаю. Очевидно, я не разобрал фамилии. Сведения, что будет писать Вишняк, — не верные. Я недавно получил от Вишняка¹⁴ письмо, в котором он сообщает, что заканчивает чтение Воспоминаний по-русски и собирается писать о них в Новом русском Слове. Он уже два раза писал о них, прочтя немецкий перевод, в «Новом Русском Слове» и в «Новом журнале». Конечно, его я интересую, прежде всего, как общественный деятель в связи с судьбами Временного Правительства. Написать обо мне, как о философе, социологе и, главным образом, как о художнике, он не может. Я не знаю, заглядывали ли Вы в «Бывшее и Несбывшееся»? В нем много и мистического бытия, и русского быта, целая галерея русских писателей и философов. Все то мне гораздо важнее, чем нападки на большевиков и защита Временного правительства. Я думаю, что и Адамовичу и Терапиано, а может быть, и Померанцеву было бы что о них сказать. Я не получал до сих пор Русской Мысли, но может быть, в ней обо мне уже что-нибудь и писалось. Из 800 страниц, как-никак 200 были напечатаны в Новом Журнале.

На Троицу к нам приезжает Лев Александрович Зандер¹⁵, объезжающий Германию на своем вроде — автомобиле. Он прочтет русский доклад о Достоевском и немецкий об о. Сергии Булгакове.

Вере Алексеевне и Вам от нас с Натальей Николаевной самый сердечный привет.

Ваш Федор Степун

¹ *Владимир Семенович Шилкарский* (27.01.1884 – 20.08.1960) — специалист по теории философского знания и по истории философии. Приват-доцент, профессор Юрьевского (Дерптского) университета. После Октября 1917 — профессор Ковненского университета в Литве, затем — профессор Боннского университета. Участвовал в подготовке к изданию сочинений В. С. Соловьева на немецком языке. Умер в Бонне.

² *Лев Николаевич Парийский* (20.02.1892 – 23.11.1972) — магистр богословия, профессор Ленинградской Духовной Академии по кафедре патрологии. Арестован в мае 1922 года по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей» и приговорен к 5 годам заключения. Условно-досрочно освобожден осенью 1923 года. В дальнейшем — псаломщик и регент церковных хоров различных храмов Ленинграда. С 15 августа 1950 по август 1967 года — инспектор Ленинградской Духовной Академии. С августа 1950 — доцент. Преподавал патрологию в Ленинградской ДА и практическое руководство для пастырей в Ленинградской Духовной семинарии. 25 января 1951 года Совет Ленинградской духовной академии присудил Л. Н. Парийскому степень магистра богословия за совокупность трудов по изъяснению богослужения Православной Церкви. Одновременно он был утвержден в звании профессора.

³ В 1921 году, по приглашению Сербского Патриарха Димитрия Павловича (*серб. Димитрије Павловић*), Высшее Церковное Управление Русской православной церкви Заграницей переехало в Сербии, в Сремски Карловцы, где оставалось до эвакуации в 1944-м. Сербский патриарх Димитрий предоставил свою резиденцию в распоряжение русских архиереев. 8–20 ноября (ст. ст.) 1921 года в Сремских Карловцах состоялось Всезаграничное Русское Церковное Собрание, впоследствии переименованное в Собор (в современной литературе часто именуется *Первым Всезаграничным Церковным Собором*). Решения и участники получившего в советской печати наименование *Карловацкого Собора* были подвергнуты в советской России осуждению. 3 марта 1922 года Патриарх Тихон официально поблагодарил сербского Патриарха Димитрия за то, что он предоставил убежище русским архиереям. В сан митрополита был возведен Евлогий (Георгиевский).

⁴ За этим пожеланием стояли серьезные процессы в Русской Православной Церкви Заграницей. В начале сентября 1945 года в Московский Патриархат перешли митрополит Евлогий с 75-ю приходами в Западной Европе и Северной Африке.

⁵ Определением Священного Синода РПЦ МП от 10 августа 1945 года епископат и клир РПЦЗ преданы суду собора епископов и запрещены в качестве священнослужителей.

⁶ Начиная с 20-х годов работа чекистов по уничтожению лидеров белого движения, обосновавшихся на Западе, приобрела размах. К их работе были причастны такие люди, как Сергей Эфрон, Вера Гучкова

(дочь депутата Гос. Думы Александра Ивановича Гучкова, 1862–1936, и т. д.). Были похищен генерал Александр Павлович Кутепов (с 1928 возглавлял «Русский общевоинский союз», объединявший русскую военную эмиграцию. В 1930-м исчез среди бела дня на парижской улице. Затем был похищен советской разведкой его преемник генерал Евгений Карлович Миллер, 22 сентября 1937 года. Реально все белое эмигрантское движение находилось под присмотром ОГПУ.

⁷ *Александр Рудольфович Трушнович* (14.12.1893, Триест, Словения – 1954, Берлин) – словенец, общественный деятель русской эмиграции, один из руководителей НТС и председатель Комитета помощи русским беженцам. В июле 1917-го добился перевода в 8-ю армию генерала Корнилова, участвовал в боях. Летом 1917-го служил в Корниловском ударном полку. Рота под командованием Трушновича осталась верной Корнилову после провала мятежа, вплоть до отъезда генерала в Быхов охраняла его от возможного нападения. Во время Гражданской войны командовал пулеметной ротой Корниловского полка, попал в плен к красным, бежал, скитался по России. В 1934-м, как бывший подданный Австро-Венгрии, добился через посольство Польши в СССР выезда с семьей в Югославию, жил в Белграде. Вступил в НТС, работал врачом. 13 апреля 1954 года Александр Трушнович, на тот момент председатель комитета помощи русским беженцам, был похищен советскими агентами. Как выяснилось позже, он оказал активное сопротивление и на советскую сторону был доставлен уже «без признаков жизни».

⁸ Речь идет о директоре Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР (1950–1972), внепартийного, венационального учреждения академического толка, «свободной корпорации ученых, покинувших Советский Союз». Учредители Института – Н. А. Троицкий (псевд. Б. Яковлев), К. Ф. Штеппа, А. П. Филиппов, А. Г. Авторханов и др. Первый директор – Н. А. Троицкий (руководитель и организатор Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР), 1947–1962.

⁹ Катакомбная церковь.

¹⁰ Речь идет о сборнике «Шиповник» (1922, № 1), где одновременно с рассказом Зайцева «Улица святого Николая» Степун опубликовал рассказ Леонида Леонова «Бурыга».

¹¹ Детство свое Борис Зайцев провел в селе Усты Жиздринского уезда Калужской губернии. Первоначальное образование получил под руководством гувернанток.

¹² Отец Степуна был директором бумажной фабрики в Кондрове (город в Калужской области). Отец Зайцева – директор Московского металлического завода Гужона.

¹³ Персонаж не установлен.

¹⁴ *Марк Вениаминович Вишняк* (1882–1975) – эсер, эмигрант, сотрудник «Современных записок», «Русской мысли», мемуарист, оппонент Степуна в течение сорока лет.

¹⁵ Лев Александрович Зандер (19.02.1893 — 17.12.1964) — философ, религиозный мыслитель, видный деятель экуменического движения.

3

2.10.56

Дорогой Борис Константинович,

Снова пишу Вам по поводу, по которому уже дважды писал. Здешняя русская «читалка» снова устраивает День русской культуры. Читалка эта, честное слово, дело хорошее и нужное. Это не наш Научный Институт, где украинцы терзают русских, и всякая отсебятина поощряется как наука. Но и не Радио «Освобождение», где все-таки делается определенно политическое дело, — а действительно, как говорили в старину, «Русский культурный очаг». Оплачивают все дело американцы, но в работу не вмешиваются. Но любят, правда, большие имена. А потому снова от имени «читалки» и американского комитета обращаюсь к Вам с вопросом: не приедете ли прочесть какой-нибудь рассказ или поделиться воспоминаниями о дореволюционной России. Ведь новая эмиграция никого не знает, но относится к нам, старикам, по-моему, все же с интересом и с симпатией. Я уже раз пять читал на днях русской культуры после второй войны и читал в нашей Библиотеке. Читал о Достоевском и Зандер. Вечера проходили с большим успехом. Вечер предполагается в воскресенье, 25 ноября. Будет мой доклад, вероятно, об особенностях русской культуры, затем Ваше выступление, а во второй части — провинциально, но надеюсь мило, три отрывка из Достоевского под режиссурой старого актера Камерного театра Елина¹.

Нам с Наташей лично очень хочется, чтобы наша Москва приехала в Мюнхен. Посидим вместе, вспомним и все же и помечтаем. Тут сейчас Вейдле и Газданов. Можно устроить уютный вечер. Забот у Вас никаких не будет. Американцы купят Вам билет (Вам — значит Вере Алексеевне и Борису Константиновичу). Вы в Париже сядете

в спальный вагон, утром мы Вас встретим и привезем в гостиницу. Вы отдохнете, прочтете, посмотрите Мюнхен, проветритесь все же, а потом уедете обратно. Подумайте, пожалуйста, все же у Вас есть, наконец, и ответственность — прибегаю к совершенно мне не подобающему педагогическому тону — перед новой эмиграцией.

Подумайте, и напишите, что едете. Если же Вы все же, несмотря на все доводы и просьбы, не согласитесь, то напишите Валентине Николаевне Крыловой² по нижеследующему адресу, что не можете и сообщите адрес Алданова. Если он находится в Европе, то его можно будет тоже, конечно, привезти. Но это будет, я думаю, много хуже. Отнюдь не потому, что Алданов плох, а потому что он, может быть, и не сможет близко подойти к новой эмиграции.

Забыл сказать, что Вам за выступление, конечно, заплатят. Во всяком случае не меньше 100 марок, но быть может, и я смогу и понажать, чтобы прибавили полтинник.

Не задержите, пожалуйста, ответа, но и не отказывайтесь сразу.

Наташа и я шлем Вам наши самые сердечные и дружественные поклоны.

Ваш Федор Степун

Адрес Крыловой
München
Zessingstr. 4
Frau W. Krylowa

¹ Личность не установлена.

² *В. Н. Крылова*, писала под диктовку Степуна его письма, была вдовой дабендорфского инструктора. Дабендорфская школа Русской Освободительной Армии (РОА), или «отдел восточной пропаганды особого назначения», — единственный кадровый орган и учебный центр власовцев.

Мюнхен, 25 мая 1959 г.

Дорогой Борис Константинович!

Сердечное спасибо за Ваши строки. Бог даст, Ваши пожелания здоровья и деятельности, хотя бы и не в полной мере, все же исполнятся. Наташа от души благодарит Вас и также шлет любовь и привет.

Пастернак меня очень мучает¹. Он уж давно написал мне две открытки² и прислал перевод «Фауста» с трогательной надписью. Просил ответить. Я было сразу же бросился отвечать, но Наташа, вечно осторожная, и всем и всеми озабоченная, решила, что этого делать не надо. То, что я его люблю и ценю, он, по ее мнению, и так знает, письменного подтверждения не требуется, ухудшить же его положение письмом все же можно. Так я и не написал.

Поощренный Вашим письмом, я совсем было уже решил написать ему, но встретился неожиданно с Менертом³, москвичом, немцем и очень известным во всем мире публицистом, который только что был в Переделкине. Он уже и раньше знал Пастернака, переписывался с ним, тем не менее встреча была не прежняя. Оставив автомобиль у леса, вдали от дачи Пастернака, Менерт пешком пошел к нему. Как только он открыл калитку, Пастернак появился на террасе, но в комнаты к себе не пригласил. Рассказав о подлости журналиста, который напечатал его частное письмо в многих переводах во всех газетах, Пастернак сказал, что это очень ухудшило его положение. Во время разговора он не в пример прежнему времени был нервен, взволнован и все смотрел на дорогу за забор: не приближается ли кто-нибудь.

Вот я и опять не знаю, писать или не писать.

П. С. Недавно одно немецкое издательство запросило меня, переводить ли на немецкий язык Вашего «Чехова» или нет. «Нет» значит, конечно, — не пойдет, не будет продаваться. Выход книг ведь прежде всего определяется

деньгами. Меценатов среди издателей сейчас нет. За ответом ко мне придет лектор издательства, который раньше служил у Фишера, в издательстве которого вышел «Живаго». Мы с ним исправляли первые 50 страниц перевода, и он очень привязался к нам. Надеюсь, что мне удастся уговорить его выпустить Вашу книгу.

Читал с удовольствием, хотя и не с полным согласием, Ваши заметки-раздумья о серебряном веке⁴. О том, что люди этого века были отравлены всяческими ядами, я сам писал в своих воспоминаниях⁵. В их жизни было, конечно, много надуманного, не подлинного, не целомудренного и распущенного; не было крепости быта и духовной трезвости, но это все относится к психологии декадентства, рожденный же в начале века символизм, как новая форма художественного творчества, неизбежно будет продолжаться. Тот же Пастернак продолжает не Толстого или Бунина, но является, конечно, порождением, теоретически, Вячеслава Иванова, а художественно Андрея Белого, перекликаясь с Рильке, а может быть, даже и с Прустом. Обо всем этом было бы хорошо поговорить, но некогда.

Вам и Вере наш самый сердечный привет. Обнимаем и любим.

Душевно Ваш

Федор Степун

¹ Степун написал о поэте статью: Б. Л. Пастернак // Новый журнал (Нью-Йорк). № 56. 1959. Зайцев несколько раз писал о Пастернаке, понимая его как писателя, принадлежащего вечности: «Время идет. Пастернак все далее отходит в Вечность. Три сосны над его могилой все так же шумят в московском ветре. Зимой бюст его будет поставлен на могиле» (*Зайцев Борис*. Еще о Пастернаке // *Зайцев Борис*. Далекое. Washington: Inter—Language Literary Associates, 1965. С. 122).

² В письме Т. С. Франк Степун писал, рассказывая про свое общение с братом Б. Л. Пастернака: «Очень приятно было узнать, что в

России не игнорируют русского религиозно-философского творчества. Знаю я, что частными путями в Советы проходят довольно много книг. Только что, между прочим, я получил письмо от Стахович из Зальцбруна, в котором она сообщает, что Александр Леонидович Пастернак очень жалеет, что не может со мной переписываться, хотя во Францию, Англию и Австрию он пишет без особых затруднений, правда, лишь родным или людям, не играющим роли в культурном мире. Очень обрадовало меня сообщение Стахович, что Александр Леонидович считает мою статью о брате, как и сам брат, лучшей из тех, которые попали ему в руки» (Письма Ф. А. Степуна С. Л. Франку и Т. Л. Франк / Сост., прим. В. К. Кантора // Историко-философский ежегодник — 2007. М.: Наука, 2008. С. 450–451). В письме к Г. П. Струве от 12.09–16.10.1962 года А. Л. Пастернак писал: «Конечно, Вы читали статьи Франка, Степуна — последняя (в “N Rundschau” 59 г.) очень верная и нужная. Думается, что Б. Л. ее читал (я обнаружил ее у Б. Л. в архиве) и м.б. что-либо писал Степуна» (Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive, Ms. Coll Weidle, Struve, Gleb Petrovich. To Wladimir Weidle).

³ *Клаус Менерт* — советолог, путешественник, публицист, советник бундесканцлера. Общался и писал о крупных непринятых советской властью литераторах — Пастернаке, Солженицыне и т. д. В Калининграде открыт в сентябре 2005 года по инициативе Аахенского университета Европейский институт им. Клауса Менерта.

⁴ Очевидно, Степун имеет в виду следующие размышления Зайцева: «А Россия, несмотря на явно неудачное правительство и вымирание ведущего слоя, росла бурно и пышно (тая все же в себе отраву) — росла и в промышленности, земледелии, и торговле, народном образовании. Все это на наших глазах, хотя тогда, по беспечности наших юных лет, мало мы этим занимались <...> Некоторые называли даже начало века русским “ренессансом”. Преувеличенно, и не нес ренессанс этот в корнях своих здоровья — напротив, зерно болезни. Все-таки, в своем роде полоса замечательная» (*Зайцев Б. К. Молодость — Россия // Зайцев Б. К. В пути. Париж: Книгоиздательство Возрождение — La Renaissance, 1951. С. 18*). А неполное согласие, видимо, означают слова Степуна в его мемуарах по поводу зайцевской книги «Москва!»: «У Бориса Зайцева довоенная Москва — иконостас за синью ладана» (*Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 198*).

⁵ Главу мемуаров «Россия накануне 1914 года» о так называемом «русском ренессансе», созданную в разгар Второй мировой войны, он закончил словами: «Час исполненья страшных русских предчувствий настал» (*Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. С. 253*).

Мюнхен, 2 мая 1964 г.

Дорогой Борис Константинович!

Завтра Светлое Христово Воскресение. Христос Воскресе! От всего сердца обнимаю Вас и Веру Алексеевну. На заутрене буду думать о Вас.

От души благодарю Вас, дорогой Борис Константинович, за Ваши два письма: в газете и личное. Да, действительно, странно, что мы так поздно сблизились, как-то нашли друг друга, — два последыша нашей России. Вы правильно пишете, что я больше общался в философских кругах, но все же «Логос» издавался в «Мусагете»¹, где царствовал Андрей Белый, изданы Блок и Вячеслав Иванов. Кроме философии нас как-то разделила и борьба между реалистами и символистами. В Литературном кружке я все же бывал и даже читал в нем дважды лекции: одну «О трагедии творчества» с подзаголовком «Шлегель»², а вторую о Бунине; что я о нем тогда говорил — я не помню, но как-то в дни грассовской дружбы он погрозил мне пальцем — «знаю, мол».

Только что вышла на немецком языке моя большая книга (450 страниц), заглавие у нее изобретено издателем завлекательное для немецкой публики «Мистическое мирозерцание — 5 обликов русских символистов»: Соловьев, Бердяев, Вячеслав Иванов, Андрей Белый и Александр Блок³. Я всегда хорошо знал и Блока, и Белого, но лишь работая над этой книгой, почувствовал весь ужас трагического срыва соловьевской мистики в большевистскую бездну, как у Белого, так и у Блока. В конце концов у меня создалось впечатление, что творчество этих двух великих лириков (у Белого, впрочем, проза сильнее) представляет собою нечто вроде небесного пролога к большевистской революции⁴. Разница только в том, что Белый к концу жизни как-то нравственно загрязнился, а к Блоку, какие бы он гнусности ни говорил, — ни-

какая грязь не приставала. Поразило меня и то, что Россия дважды пыталась его спасти от его безответственного мистицизма. В «Поле Куликовом» он ждет голоса подружки вечной, а на ручке его меча оказывается облик Богоматери. В «Двенадцати» он не хочет Христа, в «Дневнике» признается, что ненавидит Его, пишет, что должен был бы быть антихрист, но вот не выходит. Как ни старается увидеть антихриста во главе красноармейцев — видит Христа. Новая попытка России спасти своего блудного сына. Книжка вышла с очень хорошими портретами и выпущена очень изящно. Теперь я не знаю, что мне делать дальше. Хотелось бы написать ее по-русски, но это потребует много времени: просто переводить нельзя, а хочется писать новое.

Праздновали меня и немцы, и здешние русские очень сердечно. О чем я послал маленькую заметку Водову, которую Вы, может быть, уже и прочли.

В Париж и Лондон едет Художественный театр. Иной раз мечтается съездить посмотреть. Но это зависит от того, когда он будет в Париже, так как у меня впереди ряд лекций. Кстати, я только что вернулся из Копенгагена, где читал в университетах о миросозерцании Достоевского и о русских и немецких корнях большевизма. Пробыл я там 10 дней. Перевидел много людей. Ездил к морю и побывал в замке, на котором также, как и на берлинской постановке «Гамлета», стоит вооруженный часовой.

Должен кончать, дорогой Борис Константинович, последние дни я все пишу благодарственные ответы⁵. Конечно, не на все полученные мною письма (их 150 и да еще 50 телеграмм), а потому должен быть краток, что мне с трудом удается.

Еще раз обнимаю Вас, еще раз благодарю. И очень надеюсь еще повидаться. Вере Алексеевне сердечнейший привет и благодарность за ее несколько строк. Душевно Ваш

Федор Степун

Простите, что письмо так запоздало, но у меня страшный хаос в переписке — 250 писем⁶.

Публикация и примечания В. КАНТОРА

¹ См. об этом статью: *Кантор В. К.* Ф. А. Степун, «Мусагет», Э. К. Метнер // Кантовский сборник. 2010. № 1 (31).

² Впервые этот текст был опубликован под названием «Трагедия творчества (Фр. Шлегель)» (Логос. Международный ежегодник по философии культуры. М.: Мусагет, 1910. Книга первая).

³ *Mystische Weltschau. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block.* München: Carl Hanser Verlag, 1964.

⁴ В своей немецкой книге Степун писал о Блоке: «Отношение Блока к европейской цивилизации, которая, по его мнению, руками временного правительства сделала попытку завоевать Россию, крайне негативно, настолько негативно, что на вопрос, должно ли цивилизовать массы, он отвечает однозначно Нет» (*Stepun Fedor. Mystische Weltschau. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block.* S. 409). Это, конечно, было прологом к антиевропейской, враждебной западной цивилизации революции большевиков.

⁵ В связи со своим юбилеем Степун получил несколько сотен поздравлений, в основном из Германии и Франции.

⁶ Последняя фраза написана от руки красными чернилами.